

Валентин Пикуль

Письмо студента Мамонтова

*Часть сборника
Тайный советник. Исторические
миниатюры*

Валентин Саввич Пикуль
Письмо студента Мамонтова
Серия «Тайный советник», книга 37

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124967

*Пикуль В. Тайный советник. Исторические миниатюры: АСТ, Вече;
2001*

Аннотация

«...Открывались тяжкие крепостные ворота, изнутри форта шибало промозглым холодом ознобленного камня. По витой лестнице прибывший поднимался наверх, снимал пальтишко и, толкнув двери, попадал в просторное помещение, где его встречали. Встречали смехом, новостями, шутками, расспросами, шампанским. Это были чумологи, а форт «Александр I» был «чумным фортом»: именно здесь, вблизи столицы, русские врачи, добровольные узники форта, давали бой той заразе, что расплзалась по земному шару...»

Валентин Пикуль

Письмо студента Мамонтова

Может, так и надо, чтобы никто об этом не знал?

Россия строила крейсера и пряла лен, она возводила баррикады и солила на зиму огурцы, народ гулял на свадьбах и бряцал кандалами, – но ведь никто и в самом деле не знал, что где-то под боком столицы ежедневно творится что-то такое, что может привести в ужас любого... На конце тонкой платиновой проволоки иногда свисала чистая прозрачная капля. Отяжелев, она срывалась с платины и падала на стекло. Одной такой капли было достаточно, чтобы весь Санкт-Петербург стал *мертв*.

Россию ломало на сгибе двух веков – время нам близкое. Лев Толстой еще катался на коньках; Максим Горький, размашистый и щедрый, входил в молодую славу; по вечерам духовые оркестры раздували над провинцией шемящие вальсы; вдоль бульваров поволжских городов гуляли с кулечками орешков кустодиевские купчихи; босяки лихо загружали баржи арбузами; над зеленью пригородных дач хрипели расфранченные трубы граммофонов...

А в устье Невы или Фонтанки иногда заходил с моря одинокий катер Балтийского флота; тихо урча мотором, он мед-

ленно крался под мостами, причаливал к набережной, на которой, сунув руки в карманы пальто, его поджидал сугубо штатский человек. Молча он прыгал на палубу катера, и мотор увеличивал обороты на винт – катер спешил в сизые хляби Финского залива. Слева по борту, словно в сказке, разгорались феерические огни Петергофа и Ораниенбаума, справа массивной глыбой заводов и доков вырастал Кронштадт. Разводя за кормою волну, катер торопливо увозил молчаливого пассажира все дальше – в открытое море. Темнело.

Наконец из воды показывалось громоздкое сооружение, словно изваянное циклопами, – это был форт «Александр I», над которым реял черный флаг, а возле пристаньки качался под ветром фонарь и виднелась одинокая фигура жандарма.

Катер подруливал к пристани, никогда не подавая швартовов, будто боясь коснуться стен этого форта, и жандарм принимал пассажира в свои объятия.

– Оп! – говорил он. – Вот мы и дома. Милости прошу...

Открывались тяжкие крепостные ворота, изнутри форта шибало промозглым холодом ознобленного камня. По витой лестнице прибывший поднимался наверх, снимал пальтишко и, толкнув двери, попадал в просторное помещение, где его встречали. Встречали смехом, новостями, шутками, расспросами, шампанским. Это были чумологи, а форт «Александр I» был «чумным фортом»: именно здесь, вблизи столицы, русские врачи, добровольные узники форта, давали бой той заразе, что расползлась по земному шару, имея цеп-

ную реакцию в таком логичном, но отвратительном рас­порядке:

КРЫСА – БЛОХА – ЧЕЛОВЕК...

Антибиотиков тогда не было; в полной изоляции от ми­ра врачи создавали противочумную вакцину. Великий уче­ный Нобель, изобретатель динамита, провел свою одинокую жизнь среди гремучих раскатистых взрывов и остался цел. Но в условиях «чумного форта» уцелеть было труднее. Об­лаченные в прорезиненные балахоны, в галошах, с масками на лицах, врачи вступали в лаборатории, где даже глубокий вздох грозил гибелью; за стеклянной перегородкой сновали, волоча тонкие облезлые хвосты, завезенные из Китая кры­сы – там, в крысином вольере, уже бушевала смерть. Спасе­ния от чумы не знали, а значит, спасения и не было. В во­семь часов вечера форт запирали на засовы, ключи от ворот клал себе под подушку жандарм, осатаневший от неудобств жуткой жизни.

– Подохну я с вами, – говорил он зловеще. – Все люди как люди, живут и в ус не дуют, а я связался с учеными... не приведи Бог! Будь я дома, так в пивной бы сидел, как барин, а тут... эх!

Утром на пристани находили оставленные катерами про­дукты и почту. Волны с грохотом дробились о старинную кладку башен, в коридорах форта гуляли сквозняки – острые и ледяные, как ножи. Санитары, шаркая галошами по кам­ням, обмывали горячим лизолом перила, дверные ручки, да-

же электровыключатели. А бывало и так: черный флаг, дрогнув, сползал вниз, из трубы форта валил приторный дым, с моря подходил катер, матрос принимал от жандарма урну с пеплом. Вот и все, что осталось от человека, который еще вчера надеялся побороть «черную смерть».

Царица грозная, Чума,
Теперь идет на нас сама.

Это Пушкин, это его «Пир во время чумы»...

Издавна человечество преследовала чума. Бедствия от этой страшной болезни испытывали на себе все народы мира. Особенно много страдал Китай. При страшной скученности безграмотного населения, погибая от эпидемий, опиокурения и феодального хаоса, он оградил себя от западной цивилизации древними суевериями и традиционным пренебрежением ко всему европейскому. В самый канун XX века из Китая в Европу был завезен источник чумной инфекции – серая крыса-пасюк. Эта вспышка чумы (по названию «гонконгская») взяла немало жертв, но зато позволила ученым выделить из крысиных трупов то, что раньше ускользало от изучения – чумную бациллу! Опытный и неуловимый убийца человечества, величиной всего в полтора микрона, был распят на стекле и разложен под микроскопом, как преступник на эшафоте. Близился торжественный момент его казни.

А теперь, читатель, окунемся в студенческую жизнь!

Илья Мамонтов один раз послушался родителей – поступил в Пажеский корпус; во второй раз послушался самого себя – из пажей вышел. Сонливый и рассеянный увалень, это был отличный товарищ, щедрый и покладистый... Дома сестры его, гимназистки Шура и Маша, встретили бывшего пажа словами:

– Теперь, Илька, тебе одна дорога – в гусары!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.